

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Ямпольской Софьи Борисовны на тему: «ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ИВРИТА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СИСТЕМА ОБРАЩЕНИЙ», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,aborигенов Америки и Австралии (иврит).

Диссертация С.Б.Ямпольской представляет собой самостоятельное, интересное и хорошо структурированное научное исследование, посвященное трем связанным между собой аспектам, которые соответствуют трем главам диссертации. В первой главе дается обзор истории иврита в 19 – начале 20 века в контексте современной социолингвистики с привлечением широкого круга источников, а также представлен анализ существующих на сегодняшний день концепций развития иврита. В центре данной проблематики – дихотомия понятия «живого» и «мертвого» языка применительно к языку иврит. Очевидно, что критический анализ существующих взглядов на данную дихотомию представляет собой наиболее проблемный, дискуссионный и важный как для автора, так и для рецензента раздел диссертации. Именно здесь, по моему мнению, находится концептуальный стержень исследования Ямпольской и сосредоточена концептуальная эвристичность ее взглядов на проблему. Во второй и третьей главе представлен собственно лингвистический материал, позволяющий автору по новому интерпретировать различные этапы развития и функционирования иврита: развитие моделей адаптации лексических заимствований и система обращений в иврите. Автор справедливо аргументирует выбор данной проблематики необходимостью обратить внимание «на собственно лингвистические особенности развития иврита, не исследовавшиеся до сих пор, то есть исследовать конкретные языковые явления и вписать результаты этих исследований в общую картину развития иврита.» Подобный подход представляется вполне адекватным поставленным задачам и позволяет вывести дискуссию о статусе иврита на новый уровень. Особую роль в этом играют найденные диссертантом особые формы речевого этикета (вежливые формы обращения в 3 лице), которые по ее мнению играют ключевую роль в признании существования различных регистров языка иврит до его «ревитализации» в Израиле.

Диссертация С.Б.Ямпольской выполнена на высоком научном уровне и содержит интересные эвристические идеи и интерпретации, а также не исследованный ранее материал, который диссертант вводит в научный оборот впервые. Все это позволяет считать работу Ямпольской, соответствующей всем требованиям к квалификационным диссертационным исследованиям, а по некоторым параметрам, превышающей их.

Жанр отзыва все же предполагает критическую составляющую – ниже представлены некоторые соображения и небольшие замечания, которые не ставят под сомнение ценность работы Ямпольской, но представляют собой стремление рецензента поучаствовать в научной дискуссии об интересной работе.

Важными достоинствами работы является стремление автора вернуть «чудо ревитализации» иврита в научную парадигму, что предполагает рациональную структурацию сопутствующих процессов, и, в этом контексте, автору многое удается: процесс ревитализации предстает как некоторый континуум, связанный с развитием иврита в Восточной Европе. Очень важным и, насколько мне известно, новым, является использование термина «диглоссия» для описания состояния иврита в 19 – начале 20 века. Автор пытается научно обосновать некорректность интерпретации иврита этого времени как «мертвого» языка, что является эвристичным, по крайней мере, для широкого научного гуманитарного и лингвистического «фонового» знания об иврите (к представителям которого себя относит и автор отзыва). Хотелось бы поделиться некоторыми соображениями об этом. Я согласен, что восходящая к биологической

метафоре дилемма «мертвых» и «живых» языков не самое удачное и точное отражение сложных социолингвистических процессов. И дело тут не только и не столько в естественном отрицательном эмоциональном восприятии слова «мертвый» по отношению к языку, особенно со стороны людей, посвящающих свою жизнь изучению языков, оказавших огромное влияние как на мировую культуру (я сталкивался с неприятием термина «мертвый язык» со стороны некоторых филологов-классиков по отношению к латыни), так и на культурную самоидентификацию людей (в случае иврита верно и первое, и второе). Мне кажется, что в научном плане более важна принципиальная недостаточность всего двух терминов (живой и мертвый) при описании всего многообразия социолингвистических процессов «жизни» и «смерти» языков. Она вынуждает называть одинаково совершенно разные явления, погружая ученых в дискуссии принципиально не разрешаемые, так как результат зависит от того, где проводится граница между двумя словами в сложном континууме более сложного явления. И «биологичность» метафоры здесь играет вполне негативную роль, так как биологическая граница между живым и мертвым значительно более дискретна (хотя и здесь есть, например, промежуточное состояние комы), чем аналогичная граница в культуре и социуме. И степень «живости», и степень «мертвости» у языков разная. Есть язык (например, латынь), произведения на котором читают достаточно большие группы людей, его изучают в гимназиях и университетах, некоторые группы используют его и в устной речи, но никто не говорит на нем как на «родном» языке – нет таких групп, которые усваивали бы его как первый язык не с помощью учебников и преподавателей, а возрасте до 3-4 лет с помощью счастливо приобретенной человеком естественной «языковой способности», которой мы все обладаем. Другой язык может являться совсем бесписьменным, с очень небольшим числом носителей, но все же для этих носителей – это будет их «первый» язык, приобретенный именно таким способом – из коммуникативной среды в детстве. В этом смысле все условно «живые» языки, по аналогии с классической цитатой – «живые одинаково», а вот условно «мертвые» – «мертвые по-разному» (хотя, на самом деле, конечно, и степень «живости» у языков может быть разная – говорят ли на языке дети, или «живым» он является только для стариков). Называть одним термином «мертвый», например, язык пеласгов, о котором мы ничего не знаем, кроме названия, хеттский, на котором существуют дошедшие до нас тексты, упоминаемый выше латинский, коптский и геэз, для которых помимо письменных текстов, существует и устный (функционально ограниченный богослужением) регистр, действительно, означает существенно упрощать реальное многообразие. Видимо, следует ввести более развернутую классификацию, в рамках которой каждый анализируемый язык будет характеризоваться по определенному набору типологических дифференциальных признаков: наличие носителей выучивших язык в детстве как «первый» или «родной», наличие устной и письменной формы, с воспроизводимостью разных текстов, ограниченность устной формы только строгими функциональными рамками (богослужение, религиозные школы), воспроизводимость письменного регистра языка через обучение при отсутствии носителей устной формы, и т.д. На основании диссертации С.Б.Ямпольской (которая и стимулировала автора отзыва на представленные размышления) можно заключить, что восточно-европейский иврит 19 – начала 20 века обладал всеми признаками «живости» (или «не мертвости») кроме первого – наличия детей, выучающих язык из коммуникативной среды как первый язык. Знание того, что сейчас в государстве Израиль таких детей много, ставит вопрос о том, как именно этот признак «живости» был «ревитализирован». Признание наличия исторических предпосылок для этого в иврите, все же требует объяснения, что именно привело к ситуации, когда дети стали говорить на языке, который не был родным разговорным языком для их родителей, а также, почему этот шаг был сделан именно в Израиле, а не раньше. Поделюсь некоторыми соображениями на этот счет в плане дискуссии. Процесс, когда неродной язык для родителей становится родным для их детей, в принципе, хорошо

известен в социолингвистике как процесс превращения пиджина в креольский язык. Условием для этого процесса является быстрое по времени объединение в общую социальную группу людей с разным языковым бэкграундом. В этом контексте репатриация различных групп евреев с различными языками в качестве разговорных была таким объединением, но только еще и с сохранением чувства культурной общности. Иврит до «ревитализации», конечно, не был пиджином, здесь мы, скорее, имеем дело с креолизацией языка «верхних регистров» в ситуации диглоссии. В данной ситуации не требовалось «изобретения» нового «пиджинизированного» идиома – существовал значительно «лучший» и естественный вариант. Поскольку, как убедительно показывает С.Б.Ямпольская в своей диссертации для приехавших в Палестину групп была характерна диглоссия, одним из компонентов которой был общий для большого круга языковых регистров язык иврит, использовавшийся в разных сферах, кроме собственно разговорного языка детей, этот шаг, скорее, не к «ревитализации» (язык и так по многим параметрам был «жив»), а к своеобразной «креолизации» (но только не пиджина, а общего языка «верхних» языковых регистров), в новых условиях и был сделан. Причем этому в очень большой степени способствовала ситуация сохранения общей культурной самоидентификации евреев для которой иврит, как раз, и служил основным маркером. Таким образом ситуация с ивритом все же остается уникальным явлением – пример «креолизации» письменного языка, а не пиджина, для меня уникален, но выглядит не как «чудо», а как естественный процесс сочетания ряда взаимодействующих факторов. Креолизация не должна восприниматься в рамках концепций возникновения нового языка (подобные взгляды упомянуты в работе С.Б.Ямпольской), креольский язык, как раз не новый, это неродной язык родителей (уже существующий), становящийся родным (первым, усвоенным с детства) для детей. Реальных типологических параллелей я привести не могу, но могу привести параллель гипотетическую: если бы, например, некоторая группа людей с наличием письменной культуры и литературы эмигрировала бы в разные языковые среды, логично предположить возникновение диглоссии с сохранением письменной традиции на своем языке. В случае объединения их в какой-то момент на общей территории возникла бы проблема общего языкового кода при различных разговорных регистрах. При отсутствии сохранения культурной идентификации может быть выбран разговорный язык большинства (для других – лишенный культурного бэкграунда), а при наличии (стимулировании) сильной культурной самоидентификации – вариант иврита представляется естественным. В этом смысле идиш, очевидно, был хорошим маркером идентичности евреев в Восточной Европе, но не мог быть таким в Израиле.

Поскольку работа С.Б.Ямпольской имеет социолингвистическую направленность, вполне можно допустить и признать оправданным отсутствие некоторых чисто лингвистических инструментариев. Я согласен, что в третьей главе аллитерация и глоссирование достаточно развернутых текстовых примеров могут быть признаны излишними для целей работы, но мне было бы удобно и полезно увидеть в тексте главы краткие сведения о парадигме личных местоимений иврита. Полное глоссирование примеров, наверное, излишне и во второй главе, тем более что в большинстве ключевых моментов аллитерация примеров присутствует, но в некоторых случаях (например, с. 114-116) автор, мне кажется, все же, забывает о читателе, не владеющем ивритом. С учетом концептуальной и типологической значимости описываемых С.Б.Ямпольской явлений и теоретической новизны их интерпретаций не только для гебраистики, но и для значительно более широкого круга лингвистов, при подготовке текста к публикации можно подумать о более широком применении аллитерации примеров на иврите.

Сложные взаимоотношения между ивритом и идишом и отношение к ним разных групп и институтов очень хорошо представлены в рецензируемой диссертации, но в двух случаях, по-моему, автор сам стал жертвой этой сложности:

«Появляются журналы на иврите, например, литературно-политический журнал «Ха-Шахар» 12 (1868–1886). Программа журнала включала защиту национальных идеалов и языка иврит. Газета продолжала идеи Хаскалы (призывы к общему образованию и реформированию хедеров, научно-популярные статьи). Но, в целом, периодика на идише считалась властями Российской империи «нежелательной», и потому почти не допускалась.» (с. 21) Фрагмент начинается с иврита, а заканчивается идишем при наличии союза «но», свидетельствующего о связности текста.

«Заметим, что с этим утверждением согласны все: **идишисты**, защищающие «еврейский язык» (или «древнееврейский»), и **гебраисты**, ратующие за развитие «еврейского языка» («жаргона»).» (с.56) По-моему, здесь перепутано, кто что защищал и за что ратовал.

Работа С.Б.Ямпольской в целом написана на хорошем научном языке с использованием необходимого научного аппарата и при этом читается достаточно легко, что делает весьма перспективной ее дальнейшую публикацию. Но все же некоторые формулировки, на мой взгляд, могут быть усовершенствованы (как раз в контексте возможной публикации). Вполне понятная авторская эмоциональность, связанная с серьезностью и общественной значимости обсуждаемых проблем, все же, по-моему, выходит иногда за пределы научного стиля. Вот несколько примеров

«Политическая борьба сионизма и еврейского социализма спровоцировала смертельную схватку двух национальных языков.» (с. 31)

«Подъем сионизма поначалу создал перевес в вопросе о языке на стороне иврита.» (с.33) – «создал перевес в вопросе ... на стороне...», по-моему, не очень удачно.

«...и была результатом компромисса между стремлением властей насадить «ученое» произношение и реальностью...» (с. 96) – я вполне разделяю критическое отношение к желанию разных «властей» что-нибудь «насадить», но для научного текста, наверное, нужен другой термин.

«Исследование, помещенное в третьей главе диссертации...» (с.154) – не очень удачно.

«В вопросах, рассмотренных в диссертации, я постаралась показать фактический разлад с общепринятыми интерпретациями.» - наверное, все же не «разлад», а, например, «расхождение».

Работу Ямпольской отличает аккуратное обращение с терминологией и хорошее владение терминологической базой социолингвистического исследования. В качестве дискуссии отметил бы лишь два замечания: термин «домен», активно используемый автором в разных контекстах по отношению к языку можно было бы определить – термин в принципе удобен своей универсальностью, но именно подобная универсальность требует, возможно, некоторого уточнения. Во фразе на с. 100 несколько расширена интерпретация термина «глайд»: «...форма воспроизводит орфографию немецкого *August*, но получает в иврите новое чтение — начальное [o], вместо немецкого глайда [au].» - глайдом, по-моему, можно назвать вторую часть дифтонга, но не весь дифтонг.

Все приведенные выше размышления и замечания не ставят под сомнение высокий уровень диссертации, а скорее подчеркивают важность ее стимулирующего научные размышления и дискуссии содержания.

Диссертация Софьи Борисовны Ямпольской на тему: «ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ИВРИТА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СИСТЕМА ОБРАЩЕНИЙ» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Ямпольская

Софья Борисовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,aborigenov Америки и Австралии (иврит).

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, доцент,
профессор с возложенными обязанностями
заведующего кафедрой африканистики

(А.Ю.Желтов)

31.12.2016